

Технология ручного набора, единственная в начале XX века, сейчас уже история. Фото с сайта wikipedia.org

Шрифт без права передачи

23 апреля 1926 года на территории современного Вологодского вагоноремонтного завода была обнаружена улика, спрятанная от жандармов за 18 лет до этого. находка раскрыла тайну исчезновения нелегальной типографии, располагавшейся на нынешней ул. Ленинградской, и добавила колоритных штрихов к революционной истории Вологды.

Автор: **АЛЕКСЕЙ КУДРЯШОВ**

«Клад» - до 6 кг типографских литер россыпью - был изъят властями, о чём составили соответствующий акт - выцветший оригинал документа и его копии хранятся в Вологодском областном архиве новейшей политической истории (ВОАНПИ, ф. П-3837, оп. 1, д. 30 и оп. 3, д. 102А). В акте указано, что найденный шрифт и место его обнаружения сфотографированы, но никаких снимков не приложено.

Показания непосредственных участников событий заставляют по-новому взглянуть на связанные с ул. Ленинградской - вернее, тогда ещё Петербургской - попытки революционеров наладить выпуск собственной печатной продукции.

ТЯЖЕСТЬ УЛИК

Вологодская группа Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) - движущей силы революции - существовала в нашем городе при поддержке политических ссыльных с 1904 года и базировалась на сознательных рабочих ж/д мастерских, позже - Транспортных мастерских Вологды, из которых вырос ВРЗ. Одним из методов работы социал-демократов было распространение запрещённых газет и листовок-прокламаций.

Это сейчас, чтобы размножить листовку, достаточно иметь компьютер с принтером или ксерокс. Классическая полиграфия в начале XX века требовала каждую строчку набирать вручную из литер - сделанных из свинцового сплава брусочков, на торце которых было рельефное зеркальное изображение буквы. На готовый набор наносили краску и таким образом делали нужное количество отпечатков.

Революционеры прибегали к более простым способам тиражирования. В основном пользовались дешёвым гектографом - желатиново-глицериновой смесью, к которой прикладывался написанный особыми чернилами оригинал, а затем чистые листы. Так можно было сделать не более 50 отчётливых оттисков, но на безрыбье и рак рыба.

Вологодская ж/д группа РСДРП обзавелась более продвинутой техникой - мимеографом. Этот станок печатал с трафаретов, которые можно было набить на пишущей машинке без ленты, и представлял собой небольшой ящик. Вологодские подпольщики замаскировали его под киот (раму) для иконы Николая Чудотворца. Хранился чудо-прибор в квартире социал-демократа П. Котова.

Но мимеограф тоже имел ограниченный ресурс, и социал-демократы не оставляли идеи раздобыть настоящий типографский шрифт. Неизвестно, как им это удалось, но они-таки стали обладателями нескольких пудов литер, «позаимствованных» из типографии Пошешулина, что на Кирилловской улице (ныне - ул. Ленина).

Свою типографию подпольщики развернули на Петербургской улице, в квартире рабочего токарно-механического цеха железнодорожных мастерских Ивана Яблокова. В помощники ему отрядили большевиков Н. Хрулёва и И. Цуварева. Жандармы пытались вычислить местонахождение типографии, но тщетно. И если бы не несчастный случай, типография на ул. Петербургской просуществовала бы ещё долго.

КОНЦЫ В ВОДУ

Активизировавшиеся в Вологде черносотенцы - тогдашние

ультраправые, главным «достижением» которых стал погром Народного дома 1 мая 1906 года, - с попустительства властей устраивали «разборки» с горожанами прямо на улицах, из-за чего пришлось создать отряды милиции для самообороны.

Однажды «под раздачу» хулиганам попал Иван Яблоков, от

Людмила Быстрова, издававшая в Вологде нелегальный журнал «Молот», была учительницей по образованию и профессиональной революционеркой по призванию. Фото с сайта Устюженской библиотеки

побоев он скончался 31 января 1908 года. Над оставшейся без хозяина подпольной типографией нависла угроза разоблачения, поскольку в квартире могли учинить обыск по делу об убийстве. К тому же безутешная старуха-мать Яблокова, рассудок которой от горя, видимо, помутился, побежала искать Хрулёва, грозясь, если ей «не вернут любимого Ваню», рассказать полиции, чем они тут занимались.

Подпольщики решили оперативно разнести шрифт по разным местам. Основную часть литер закопали во дворе на Кобылкинской улице (ныне - часть Благовещенской от Ленинградской до Воровского), где жил слесарь ж/д мастерских Сокольников. Другую часть доверили А. Казаку, чтобы тот спрятал где-нибудь. Осталь-

ные принадлежности втихую вернули в типографию Пошешулина.

Товарищ Казак не придумал ничего лучше, как устроить тайник на территории мастерских: он высыпал шрифт на дно какой-то колонки в малярном цехе. Так и пролежали там литеры до 1926 года. И только благодаря настойчивости ставшего в то время уже ответственным секретарём 1-го горрайкома ВКП(б) Хрулёва и показаниям самого Казака литеры удалось разыскать, вскрыв с согласия руководства деревянную обшивку колонки...

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Потеря типографии не остановила социал-демократов в стремлении наладить выпуск печатной продукции. И в мае 1910 года инициативу подхватила высланная на два года в Вологду из Сормова за революционную деятельность Людмила Модестовна Быстрова (1884-1942).

Уроженка Устюжны, дочь переведённого в Вологду преподавателя древних языков, поселившись в ныне не существующем доме № 10 по ул. Петербургской, решила издавать революционный журнал - «Молот». Идея была здравая: своей прессы у вологодских социал-демократов тогда не имелось, и приходилось, рискуя, привозить нелегальные экземпляры главным образом из Петербурга.

Помощников Быстрова нашла быстро: карикатуры предложила рисовать своему несовершеннолетнему племяннику, а техническую поддержку осуществлял ссыльный из того же Сормова Н. Алексеев. Чтобы не навлечь подозрения на родственников Быстровой, печатать журнал решили не на Петербургской улице, а на

ЖАНДАРМЫ ПЫТАЛИСЬ ВЫЧИСЛИТЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ТИПОГРАФИИ, НО, ЕСЛИ БЫ НЕ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, ОНА ПРОСУЩЕСТВОВАЛА БЫ ЕЩЁ ДОЛГО.

квартире Алексеева на ул. Калашной (ныне Гоголя; Алексеев жил во втором доме, считая от Чернышевского).

Поскольку типографского шрифта (спасибо Казаку) не нашли, были вынуждены ограничиться гектографом. Быстрова приходила к Алексееву в 4 утра, затопляла печь на случай, чтобы бросить в огонь все улики, если нагрянут незваные гости, и подпольщики принимались за дело (все подробности - ВОАНПИ, ф. П-3837, оп. 3, д. 236 лл. 9-10).

Первый номер журнала появился на свет 1 мая 1910 года, а всего вышло три - срок ссылки Алексеева кончился, и больше места для «типографии» не нашлось: в квартире Быстровой регулярно проводились обыски. Один раз чуть не попались - хорошо, что 30 экземпляров «Молота» младшая сестра успела спрятать под печку, и их не нашли. О том, кто издавал журнал и входил в редколлегия, жандармы узнали лишь через два месяца после прекращения его издания.

Впоследствии Людмила Быстрова состояла в редакции газеты «Правда», но была репрессирована и умерла в лагере. Судьбы других вологодских «первопечатников», быть может, и менее трагичны, но кто их сейчас вспоминает, кроме пожелтевших архивных бумаг?..